

ПЕТР СОСНОВСКИЙ

1984

(коленкоровая тетрадь)

18+

Петр СОСНОВСКИЙ
1984 (коленкоровая тетрадь)

«Автор»

2024

Сосновский П.

1984 (коленкоровая тетрадь) / П. Сосновский — «Автор», 2024

Жена Семена, молодого перспективного инженера, Мария не была даже беременна. Они жили в Москве в пятиэтажке напротив корпусов большого машиностроительного завода, занимали большую комнату в коммунальной квартире. Молодая семья стояла в заводской очереди на получение отдельной жилплощади в новом доме. Этот дом был построен и сдан в 1984 году. (Отсюда название книги.) Заселение в него происходило после Нового года. Семен и Мария, оглядев свою двухкомнатную квартиру, были довольны. Они, переехав в новое жилье, познакомились со многими жильцами и приобрели хороших друзей, а еще жена Семена неожиданно в этом же году родила дочку. Название книги перекликается с произведением английского писателя Джорджа Оруэлла, но, как известно, оно было дано издателем, он бы свою книгу назвал иначе, например: «За тобой смотрит старший брат» или еще как-то. Что я хочу сказать? В моем романе тоже есть фантастические главы, достаточно в нем и магии. Для этого его необходимо просто прочитать.

© Сосновский П., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	24
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Петр Сосновский

1984 (коленкоровая тетрадь)

«Семеро по лавкам не сидело». Жена Семена, молодого перспективного инженера, — Мария не была даже беременна.

Они жили в Москве в пятиэтажке напротив, раскинувшихся корпусов большого машиностроительного завода, занимали большую комнату в коммунальной квартире. А еще молодая семья «стояла» в заводской очереди на получение отдельной жилплощади в запланированном новом доме.

Этот семнадцатипятиэтажный трех подъездный дом был построен и сдан в 1984 году. Отсюда название моей книги.

Заселение дома происходило после нового года. Семен и Мария, вытянув свой «счастливый билет» оглядев двухкомнатную квартиру остались ею довольны. Они, переехав в новое жилье, познакомились со многими его жильцами и не обязательно только с русскими, среди них хватало и грузин, и евреев. Молодая семья довольно быстро приобрела хороших друзей, а еще жена Семена неожиданно в этот же год родила дочку.

«1984» — название моего повествования перекликается с произведением английского писателя Джорджа Оруэлла. Что мне известно? Это не волеизъявление автора, он его не давал, то есть не причем, и вряд ли бы стал так шифроваться, его книгу так обозначил издатель. Свой текст Оруэлл мог назвать проще, например: «За тобой смотрит старший брат» или еще как-то иначе, не дожид, умер до выхода книги в свет.

Название, которое я дал своей книге это ни в коем случае не плагиат, так как оно полностью соответствует написанному тексту, полностью им раскрывается. Правда, мне пришлось уступить провайдеру «Литреса» и добавить к цифрам: «1984» несколько слов: «Коленкоровая тетрадь». Хотя, наверное, было бы правильнее приписать другую фразу: «Хочу быть русским». Что возможно и сделаю во втором издании.

Мои герои спокойно ходят на работу, растят детей, дружат и надеются на лучшее. Однако некогда могучая страна СССР в которой они живут отчего-то вдруг начинает менять курс, — хотя ее и раньше при выборе того или иного Генерального секретаря слегка штормило, но не в такой степени, — и все рушится летит в тартарары, наступает катастрофа.

Не все способны выдержать ужасные условия жизни в новой стране теперь уже не СССР. а России: хороший друг Семена — еврей Михаил Хазарский с семьей и другими своими родственниками срывается и уезжает в США. Его даже не останавливают слова родной матери: «Я, родилась здесь, здесь и умру!».

Еще я хочу сказать? В моем одноименном романе, как и у Джорджа Оруэлла тоже есть фантастические главы. Они перекликаются с реальностью. Достаточно в книге и магии. Для того чтобы это понять мою книгу следует прочитать.

Прочтение даст вам возможность вникнуть в идею, заложенную в романе. Она о новом взгляде на мировой глобализм только ни в коем случае не по Марксу, Энгельсу и Ленину. Объединение народов, проталкиваемое США и системой, в которую, как известно, входят страны Запада зиждиться на постулатах Шваба и Киссинджера, то есть на империалистических законах капитала — ультра глобализме.

Глава 1

«Семеро по лавкам у нас не сидело». Моя жена Мария не была даже беременна. Мы жили в Москве в «сталинской» пятиэтажке напротив многочисленных корпусов раскинувшегося машиностроительного завода.

По меркам того времени он был чрезмерно огромным, а еще головным предприятием номер один, в состав которого входили: завод в Курске — двадцатый и другой — третий, находящийся в Саратове. Мы для народного хозяйства производили подшипники. Подобных заводов в стране, под названием СССР, было аж двадцать восемь.

В нашем объединении трудилось, не меньше двадцати тысяч человек. Это у нас, его работников, всегда вызывало чувство гордости. В настоящее время нашего объединения уже нет, оно в девяностые годы развалилось. Нет и завода. От него остался один цех, именуется он предприятием, но уже не первым, еле сводит концы с концами и что-то даже выпускает, правда, не в том количестве, не той номенклатуры и уже не того качества.

От завода наш жилой квартал отделяла широкая защитная полоса из кленов, лип, тополей и других деревьев, не считая по периметру всяких там зарослей кустарников уже выродившейся, скрюченной от ветров и морозов сирени и желтой стриженной акации. Все это было огорожено литой из чугуна невысокой черной декоративной решеткой, возможно, изготовленной в литейном цехе на нашем предприятии.

На небольшой площадке в середине аллеи, хорошо видимой из верхних окон не только нашего дома, но и заводоуправления, стоял гранитный памятник, скорбящей Матери, символизирующей тысячи женщин, потерявших в Великую отечественную войну своих сыновей. От нее по обе стороны на массивных плитах из того же материала были начертаны золотом списки, не вернувшихся домой защитников родины. Это были бывшие работники завода, героически защищавшие нашу страну от скопищ извергов-варваров фашиствующей Европы.

Нам, в коммунальной квартире была предоставлена большая просторная комната. Мария, когда мы однажды, не в один заход, затащили в нее все свои вещи, выставив их у самого порога, глубоко вздохнула. Затем, она, окинув быстрым взглядом пустое пространство со свеж оклеенными обоями и окрашенными коричневой краской полами, еще слегка источаемыми «аромат» — ацетона, не удержалась и тут же вдруг с разочарованием, громко воскликнула:

— А где мы с тобой сегодня будем спать? А как мне прикажешь делать уроки? Здесь нет даже обычного письменного стола! — моя жена на тот момент была студенткой ВУЗа. Мне, молодому специалисту, недавно закончившему институт, ее переживания были понятны. Я как мог попытался Марию успокоить.

— А бабушкина перина зачем? — спросил я: — А пол? — Да здесь более двадцати квадратных метров, — затем, сделав небольшую паузу, тут же сообщил:

— Мы с тобой сейчас же отправимся в мебельный магазин, — он здесь недалеко — в двух остановках от дома, — все необходимое купим и привезем. Так что беспокоиться нет причин.

Делать вместе покупки интересно. Они жене быстро подняли настроение, она с удовольствием ходила по широким залам магазина, заставленным шкафами, диванами, столами, стульями и прочими изделиями столярного искусства необходимыми в каждой квартире, вначале все осмотрела, а уж затем принялась выбирать. Я находился рядом, негромко подсказывал ей, на что следует обратить внимание.

Перина нам на новом месте не пригодилась. Мы даже не стали ее развязывать, так как приобрели очень удобный диван, раскладывающийся в кровать полуторку, — в него можно было прятать постель, а еще мы купили хороший письменный стол с ящиками. Этим столом мы пользуемся и по сей день, лишь однажды поменяли фурнитуру.

Денег тогда было потрачено много, так что холодильник нам пришлось купить несколько позже, не один месяц нас устраивал старый — производства завода ЗИЛ, оставленный прежними жильцами. Он не имел компрессора и оттого работал без отключения, а значит, очень много расходовал электроэнергию.

Наш день приезда и хлопоты по устройству на новом месте забрали немало времени. Голод мы почувствовали лишь тогда, когда за окнами неожиданно опустилась ночь. Нужно было что-то придумать, и Мария предложила нажарить картошки, взятой ею из дома.

Корнеплоды значительно отличались, от тех, что продавались в магазинах Москвы, — были довольно крупными, так как выросли на черноземе. Я тогда и подумать не мог, что в Сибири такая плодородная земля, не то, что у нас в средней полосе.

Идти в город, чувствуя усталость от суматошного дня в ближайшие: «кафэшку» или же ресторан под названием «Памир» мне не хотелось, и я с женой тут же согласился. После чего она улыбнулась, и неожиданно сказала мне:

– Сеня, уже поздно, соседи, возможно, отдыхают, чтобы не шуметь, приготовлением кушанья лучше заняться не на кухне, а у нас в комнате. Я ведь не зря взяла чудо-печку. Теперь она для нас спасение, — и Мария, забравшись в одну из сумок, достала, что-то похожее на НЛЮ. Оно работало от электричества. Однако было малой мощности.

Я почистил картофель, помыл, порезал, а жена, после налив в металлическую чашу масла, забросила его и поставила жариться.

Мы, не дождавшись ужина, уснули. Это чудо техники готовило картофель до утра. Мне пришлось ею позавтракать, торопливо попить чаю и отправиться на работу. Больше, мы ее по назначению не использовали. В чаше Мария варила варенье, а моя мать принаровилась в ней выпекать довольно неплохие булочки.

Что я скажу о нашем жилье? Оно нас устраивало. Мы ему были несказанно рады и не сразу поняли скрытый подвох. Он заключался в трудностях получения в будущем бесплатной квартиры. Имея такую огромную комнату нам нужно было с Марией изрядно постараться и родить минимум двоих детей, а то и больше.

А еще наша жилплощадь имела ряд неудобств: во время дождей место похожее на застекленную лоджию, когда-то очень шикарное, начинало вдруг сочиться, а затем просто потоками изливать с потолка воду.

Не один раз мы во время летних гроз, или же сырой и промозглой осенью подставляли все, что находили под рукой, собирая ее и таская в туалет. Но это ни шло, ни в какое сравнение, с тем, что нам приходилось делить санузел и кухню с соседями: пожилой дебелий женщиной Таисией Яковлевной, почти пенсионеркой и молодым парнем Сергеем, постоянно хваставшим, что он столичный житель — приехал из Риги, а не из какого-то там среднерусского захолустья. Возможно, он это говорил для того, чтобы показать нам «новеньким» — мне и моей жене Марии значимость своего элитного происхождения.

А мы? Мы на тот момент были его не достойны. То, что он так считал, мне стало ясно, когда парень, однажды поцапался с пожилой женщиной и, попытавшись ее унижить, с яростью принялся выкрикивать:

– Ты, ты, не из столицы, — затем, наморщив лоб, будто вспомнив, довольный собой, продолжил: — Ты, из Гусь-Хрустального, вот собирай свои манатки и живо вставай на крыло, — на дворе тогда стояла зима, — шуруй туда, где все твое стадо, к себе Гуси-то давно уже улетели.

– Да-а-а, сейчас же. Взяла и полетела. Жди! — неторопливо, чинно наступая на него, изрыгнула Таисия Яковлевна: — Я вначале, у тебя эти как там — крылья, тьфу ты, ручки повыдергиваю, а, чтобы ты знал свое место, надеру нахалу, как следует, хорошенько хвост. А уж потом, мы посмотрим что делать.

До меня долетали и другие нелюбезные слова этой «парочки», но я, появившись как-то в коридоре, вмешиваться в спор не стал, не считая нужным: женщина и без моего участия лихо отбивала все атаки завравшегося парня. А еще ни к чему это было. Мы не собирались жить долго в стенах этого здания, разваливающегося от старости и непогоды, построенного в двадцатые годы в одно время с заводом. Я тогда входил в категорию молодых специалистов, трудился старшим инженером, стоял первым в списках на получение отдельной жилплощади и рассчитывал через год-другой въехать в новую квартиру.

Что примечательно? Эта «двойня» бок о бок проживала не один год, и мне не представило труда догадаться, что вздорят они так давно. Это был их стиль общения: поцапаться и затем накричавшись спокойно разойтись по своим комнатам.

Я быстро понял, вызывать «огонь на себя», нет смысла, распри нам были ни к чему, хотя однажды мне с Сергеем этим столичным жителем республиканского значения все же пришлось столкнуться. Мы ему с Марией показались очень уж правильными и это соседа взбесило. Не знаю, что на него нашло, но однажды на кухне он, не удержавшись схватил меня за грудки и принялся угрожающее что-то говорить. Я на тот момент нес в комнату в одной руке кастрюлю с разогретыми остатками супа, в другой чайник с кипятком. Недолго думая, эта кастрюля тут же обрушилась на его голову, а уж затем в убегающего полетел вдогонку и чайник, который чтобы не ошпарить наглеца я бросил не прицельно, специально угодив в косяк.

Это событие произошло в выходной день: — в субботу. Я с Марией собирался в прачечную самообслуживания. У нас наготове стоял у порога чемодан с грязным бельем. Покушать нам пришлось тогда в кафе и значительно позже.

Правда, мой отпор тогда напугал Сергею, и он неделю-две в квартире не показывался, затем вдруг, как ни в чем небывало «нарисовался в дверях», не взглянув на меня буркнул: «привет» и тут же, не останавливаясь спрятался у себя в комнате.

Конфликт был исчерпан. Он для себя уразумел: я не Таисия Яковлевна и желания вздорить с ним не имею.

Понятное дело: дружбу мы свою никому из соседей не навязывали. Правда, однажды праздник, возможно, это был международный женский день, мы встретили вместе, инициатором явилась соседка Таисия Яковлевна. Она была женщиной не злопамятной. У нее тогда за столом оказались не только я и Мария, но и Сергей, а также, приехавший издалека в гости ее брат, — летчик гражданкой авиации, комиссованный по состоянию здоровья — болезни сердца, на тот момент разведенный. Не знаю, случайно или же по распоряжению хозяйки, во время торжества рядом возле него оказалась и молодая, — лет тридцати, — пышнотелая женщина, — подруга нашей соседки, приглашенная в гости из квартиры этажом выше. Имени ее я уже не помню. Она посматривала на летчика. У этой женщины не было мужа, зато она имела двоих малолетних детей — трудноуправляемых мальчуганов. Заключив с летчиком брак, женщина могла претендовать на отдельную квартиру, а наша соседка Таисия Яковлевна — на родственную душу — брата под боком, готового в случае необходимости всегда прийти ей на помощь, например, приструнить Сергею.

Я и моя жена чтобы не мельтешить перед глазами у соседей и не быть случайными свидетелями их «кухонных баталий», дома не сидели. Да и что в нем сидеть? Телевизора у нас тогда не было. Мы специально его не покупали. Таисия Яковлевна приглашала нас на ту или иную передачу, но мы отнекивались и все свободное от работы время проводили в городе.

Это было вызвано тем, что Мария была привезена мной в Москву из провинции. Однажды, я ездил на свадьбу к своей сестре, она после окончания техникума, забравшись по распределению молодых специалистов в Сибирь, нашла себе там парня. На шумном гулянии я познакомился с девушкой и стал с нею переписываться. Через год я на Марии женился.

Перевезти ее сразу в Москву я не мог, лишь после того когда утряс все свои дела. Отправившись за женой в Кемерово, я столкнулся с ее подругой детства, считавшей себя настоящей

москвичкой, — ее отец был родом из столицы, — она мечтала однажды в ней жить, узнав о неожиданном отъезде Марии, не удержалась и, с шумом всплеснув руками, с обидой вдруг выкрикнула:

– Ничего себе, посмотрите на нее. Она едет жить в мою Москву! А я, что должна прозябать всю жизнь здесь в небольшом сибирском городке?

На что моя жена тут же ей ответила:

– Да-а-а! Я еду. Но ты особенно не переживай, можешь в будущем приезжать ко мне в гости — в свою Москву. Я думаю, муж возражать не будет. Хоть ты и москвичка, точнее «москвачка», но ни разу в ней не была и о городе ничего не знаешь лишь только слышала от отца... Да, что еще? Не торопись сразу же после нашего отъезда забираться в самолет или же в поезд, повремени, дай мне немного пообвыкнуться, а то я ведь тоже города не знаю, — и Мария, улыбнувшись, тут же хитро посмотрела на меня.

Я не забыл слова жены и для того, чтобы она быстрее освоилась и почувствовала себя комфортно в столице, а в будущем и могла выполнить обещание данное подруге, учил ее разбираться в переплетениях веток «метро». Для Москвы — это главное. Автобусы, троллейбусы, трамваи всего лишь дополнение в транспортных коллизиях огромного многомиллионного города.

Азы Мария постигала на практике, спустившись вместе со мной на эскалаторе вниз — под землю, но не в тартарары, а в пространство с дворцовыми интерьерами, одно краше другого в зависимости от нахождения станции на карте города, даты ее строительства и социально-исторического значения для страны.

Я показывал супруге схему метро и объяснял, как добраться до Красной площади, Кремля, Александровского сада, Манежа, Большого театра, Третьяковской галереи, музея изобразительных искусств имени Пушкина и других известных культурных памятников столицы. При этом я рассказывал, где лучше сделать пересадку с одной линии — ветки, на другую.

Прошло время, и я, отправляясь в очередную командировку, был за Марию спокоен: в городе не заблудиться — дорогу домой найдет.

Что интересно, я ведь тоже не был москвичом и мне в свое время разобраться в этом самом метро помог случайно встреченный мной при трудоустройстве на завод в отделе кадров парень по фамилии — Пушкин.

Я вначале не поверил ему и отчего-то тут же высказал свое удивление:

– Да, ну? Наверное, еще и стихи пишешь? Про Евгения Онегина не ты написал? Я читал!

– Нет, написал не я, — с усмешкой сказал мне тогда парень и продолжил: — Я стихов не пишу! — А затем неожиданно показал мне свой паспорт. Он, как и я приходил устраиваться и на тот момент, после посещения отдела кадров, все еще держал документ в руках.

Молодой человек сказал правду, не соврал.

Прошло много лет. В памяти осталась одна фамилия. Я уже не помню, как его звали. Чем черт не шутит, может и Александром Сергеевичем. В те годы такие совпадения были модными. Я, например, служил в армии с Брежневым — женатым мужчиной. Он был водителем, на рождение сына ездил в отпуск и, возвратившись тихо с гордостью нам всем на ушко сообщил: «Любите и жалуйте, в СССР на свет явился еще один «Дорогой Леонид Ильич». Понятное дело это был просто однофамилец нашего руководителя страны.

В столицу, я приехал к тетке, отслужив два года в армии, в декабре месяце, недели за две до Нового года: было желание немного поработать, осмотреться, подготовиться и затем по лету поступить в литературный институт.

Для поиска работы я мотался по предприятиям, искал подходящее для себя занятие. Что тогда было важно? Это прописка. Остаться надолго в столице, я тогда не мог даже у родственницы. Мне требовался штамп в паспорте, без него — никуда. Для того чтобы зацепиться в Москве, мне необходимо было предприятие с общежитием.

Этот самый Пушкин, узнав, что я еще в городе нигде толком не был, тут же вызвался после подачи мной документов на завод, показать мне Красную площадь. Я «загорелся», и мы отправились вначале на троллейбусе, а затем на метро. Добравшись до станции: «Площадь революции» мы перешли на станцию «Площадь Свердлова» — была такая и вышли, поднявшись на эскалаторе в город. Затем, разговаривая, неторопливо, пешком прогулялись по центральным улицам и площадям. Я тогда увидел многое и не только Красную площадь, мавзолей Ленина, но и Кремль, собор Покрова, рядом — известную церквушку Василия Блаженного, памятник гражданину Минину и князю Пожарскому, а еще мы прошли по Александровскому саду.

Пушкин, может даже Александр Сергеевич здорово мне тогда помог, я был ему несказанно благодарен. Он, любил свой город, хорошо знал его и, проведя для меня небольшую ознакомительную экскурсию, заставил еще приобрести в справочной будке недалеко от входа в музей Владимира Ильича Ленина небольшую брошюрку с подробной схемой расположения станций метро, а еще научил ею пользоваться.

На следующий год я, напряг все свои силы отправился поступить в литературный институт, но отчего-то не прошел по конкурсу. Причины мне теперь ясны: мои «вирши» тогда были слабы и очень наивны. А еще мне нужно было заручиться поддержкой какого-нибудь известного поэта и действовать через него. Ну, например, Александра Филатова, но я на тот момент с ним еще не был знаком. Это случится несколько позже на занятии в литературном объединении.

Что еще? Характер у меня был мягкий и я, наверное, оттого, после провала в столичный ВУЗ на Москву нисколько не обиделся: мне были памяты слова случайного знакомого — Пушкина, что столица «затягивает», увольняться с завода не стал и тут же отдал документы в технический ВУЗ, после чего успешно одолев вступительные экзамены был зачислен на первый курс, мог бы учиться на дневном — мне было бы намного легче, но отправился на вечернее отделение. Это мне в последствии позволило остаться в столице, не пришлось, подобно сестре, отправляться в Сибирь или же еще куда-нибудь «к черту на кулички».

На заводе, еще до получения диплома начальство предложило мне место инженера. Я, прижившись в столице, заразил этим вирусом любви и Марию. Мне, как нам не было тяжело, ни разу не пришлось услышать от нее что-то подобное: «Давай уедем». И думаю, такое терпение не в пику подруге «москвичке».

О странном знакомстве с Пушкиным, я напрочь забыл и лишь после, когда стал серьезно заниматься писательством, неожиданно вспомнил. Ничего себе, мелькнуло у меня в голове, может это все неслучайно? Правда, я не Гоголь, я его не искал, мой Пушкин на меня вышел сам. А еще он не был ни поэтом, ни писателем. Просто обычный человек один из родственников или же из множества однофамильцев великих людей России.

Мои частые поездки с Марией в город, я бы сказал, культурно-просветительные по выставкам, музеям, различным театрам, паркам отдыха не только в выходные дни, но и в будни продолжались довольно долго, пока нас не отвлекло, начавшееся строительство нашего семнадцатизэтажного трех подъездного дома.

Наверное, через полгода, — я стал ездить с женой на место его возведения. Дом этот был кооперативным, то есть сооружался с привлечением средств, нуждающихся в жилье, семей.

Я вступил в это сообщество, будучи еще парнем, то есть с меня тогда, как и со всех не женатых молодых людей, брали особый налог — за бездетность. Администрация завода мне на то время могла дать лишь только однокомнатную квартиру и то благодаря тому, что я для завода представлял интерес. Попасть в список, людей нуждавшихся в жилье, мне было непросто. Для этого следовало собрать соответствующие документы, а еще получить от трудового коллектива ходатайство. Я соответствовал всем нужным требованиям. Не зря же меня после того, когда я, побывав в Загсе надел на безымянный палец золотое кольцо, тут же выписали

из общежития и выделили в заводском доме комнату, а еще позволили переписать заявление на получение двухкомнатной квартиры. Это с учетом увеличения в будущем семьи, например, рождения сына или же дочери.

Женившись, я, конечно, хотел получить квартиру трехкомнатную, правда, для этого нужна была хотя бы справка из поликлиники о беременности жены. Но, ее у нас не было, и достать эту самую бумажку просто так было невозможно, пришлось смириться.

На первый взнос за однокомнатную квартиру я деньги заработал лично, а вот при изменившихся обстоятельствах, — желании приобрести двухкомнатную, — мне недостающую сумму дали мои родители и родители жены. Она была небольшой. Однако главное это добровольное участие двух сторон.

Основная масса нуждающихся семей получала квартиры бесплатно, но для этого необходимо было, подав заявление и другие нужные бумаги, лет восемь «отстоять в очереди». Например, пышнотелая соседка — подруга Таисии Яковлевны даже при наличии двоих детей не имела права на квартиру, так как жилплощадь у нее по квадратным метрам — соответствовала нормам. Лишь замужество женщины могло изменить ее положение. Я, однажды случайно встретившись с Таисией Яковлевной, на одном из шумных рынков девяностых годов, узнал, что та времени зря не теряла и своего добилась.

– Ей, получить трехкомнатную квартиру помог мой брат! — выкрикнула с жаром бывшая соседка: — Если бы не он, то ждать ей, пождать до скончания века. — Тут Таисия Яковлевна оказалась права: жилой квартал напротив завода и дом, в котором мы тогда жили, начали рушить лишь лет через пятнадцать при строительстве новой ветки метро. Я, как-то с Марией ездил туда. Мы правильно сделали, что не стали испытывать судьбу и вовремя озаботились покупкой кооперативной квартиры, это позволило нам решить проблему жилья в течение двух лет.

Я помню, как нам вначале показали место, выделенное под строительство нашего дома. Месяца два-три мы «лицезрели» большой деревянный барак, затем жильцов из него выселили и строение развалили.

Мне и Марии «любоваться» нагромождением бревен, досок и другого мусора было неприятно, в голову лезли мысли, что возможно, когда-то в этом бараке могла жить моя мать, когда девушкой после войны работала на литейно-механическом заводе. Он находился недалеко от нашего будущего дома.

Однако я оказался не прав и однажды о том, заикнувшись, узнал от Марии, что родительница, бывая в Москве, и прогуливаясь с нею и детьми, показывала моей жене старое добротное пятиэтажное из красного кирпича здание. Оно цело до сих пор.

В настоящее время, я, отправляясь к станции метро пешком, всегда прохожу мимо него и вижу в проемах светящихся окон тени людей. Здание, как и раньше, используется под общежитие. Только теперь им литейно-механический завод уже не владеет. Он закрыт. На его гектарах идет мощное строительство: воздвигают многоэтажные дома. В одном из них с семьей будет жить моя дочь. Они уже оплатили первый взнос по ипотеке и ждут заселения. Время не стоит на месте, я чувствую ветерок его дней у себя на лице, когда, забравшись в автомобиль, спешу к себе на малую родину в Щурово посетить могилы своих родных и близких.

Литейно-механический завод, как я помню, тогда изрядно дымил, что тот паровоз, а то и целая дюжина, закованных в бетон машин. Это было связано с тем, что на нем работали еще довоенные очень старые мартеновские печи. Правда, что нас успокаивало: их должны были закрыть и заменить менее вредными – конверторными, а еще наш дом планировали расположить несколько в стороне, на проезде, гипотенузой соединявший центральную довольно шумную улицу с другой перпендикулярной к ней — тихой и спокойной. Проезд этот пролегал через зеленый массив тополей, кленов, яблонь и множества низкорослых вишен, в цветущих кудрях которых на зорьке, очень классно пели соловьи, разнося свои трели по всей округе.

Дом поднимался быстро: буквально рос на наших глазах. Мы, забравшись после работы в троллейбус на транспортном кольце у завода и, устроившись в креслах, отправлялись на его «смотрины». Наш путь пролегал недалеко от пятиэтажки моей тетки — сестры матери. Однако выйти на остановке и забежать к ней в гости я уже не мог. Она умерла. Случилось это неожиданно, незадолго до моей с Марией свадьбы. У меня и сейчас еще слышны в памяти ее добрые слова: — «Вот бы ты женился, — пора уже, — а я нянчила бы твоих деток». — Не дождалась. Не видела в жизни радости. Умерла по своей воле. Плохо, очень плохо, когда люди отказываются жить.

Дорога у нас занимала всего лишь двадцать-тридцать минут. Добравшись, до строительной площадки, мы заглядывали через забор, где шла интенсивная работа: подъезжали с железобетонными панелями машины и, разгрузившись с помощью больших кранов, отъезжали, рядом повсюду сновали расторопные рабочие.

Что было важно для нас? Это в первую очередь подсчитать этажи. Их всегда оказывалось несколько больше, чем в прошлый раз. Затем мы, покрутившись, минут пять, для ознакомления обходили, прилегающие к нашей стройке улицы, заглядывали в магазины, порой что-то покупали и довольные торопились домой.

Мне памятен день — «наш объект» — дом — предстал однажды во всей своей красе. Стены были декорированы белой и голубой плиткой. Окна широкие. Не насмотреться. Радости у нас не было предела. Однако прошел месяц, другой, никаких видимых подвижек не происходило, мы недоумевали, зачем тянуть время. Неужели нельзя быстренько сдать дом жильцам? — Теперь, знаем, нельзя. Работы шли внутри здания и довольно обширные. Отделка квартир требовала больших затрат: — не одного месяца, так как нужно было подвести коммуникации, установить батареи парового отопления, необходимую сантехнику, плиты, подвести электричество, настелить паркет, выровнять стены, наклеить обои и еще сделать многое другое.

Я запомнил год, — был — 1984, январь, конец месяца. Нас будущих жильцов пригласили на общее собрание с целью рассказать о процедуре заселения дома, а еще для проведения жеребьевки. О встрече с представителем администрации жилищно-эксплуатационной конторы — ЖЭКа и строительного управления — СУ с жильцами было извещено заранее. Она проходила в небольшом Доме культуры с колоннами, расположившимся между нашим домом и другим таким же, еще не достроенным, стоящим торцом и окруженным забором из доски — горбыля. Этот Дом культуры принадлежал какому-то предприятию. Ясно, что не литейно-механическому. Возможно, даже воинской части. Мне запомнилось его необычное название — «Звезда».

«Народ» собрался после работы в небольшом уютном зале на двести мест. Этот зал памятен мне. Было время, я с женой после бегал в него на вечерние сеансы смотреть кино. А еще, мы с детьми ходили на спектакли и концерты самодеятельных народных театров. Жалко, что начавшаяся в восьмидесятых годах «перестройка», а затем и последовавший развал страны вынудил предприятие продать Дом культуры. Шикарное здание, тогда, было преобразовано в католический храм. На его фасаде, на самой верхушке, поставили четырехконечный крест, ниже под фронтоном ярко нарисованного на обычной фанере, сходящего на землю Иисуса Христа. Это здание теперь часто пусто, молящихся людей не так уж и много. Не знаю, чего они просят в настоящее время «у католического Бога», может по-прежнему, чтобы «Запад» принял многострадальную Россию. Однако большим надеждам бывшего генсека Горбачева и его либеральной элиты вряд ли суждено сбыться, — пусть они за эти несколько десятилетий и привыкли пресмыкаться, но что интересно, там таких людей не любят. Они уважают силу. «Дружбу» навязать им мог СССР, размахивая своими ракетами с ядерными боезарядами. Россия еще пока слаба.

День, когда проходило собрание, для меня и моей жены стал особенным. Я тогда с боязнью вытаскивал конверт. Было, отчего беспокоиться. Никто из собравшихся людей, не желал

забираться на верхние этажи дома. Что, если сломается лифт: топай тогда по лестнице; не лучшая ситуация: протечет во время ливня крыша? На потолке проявятся разводы, пятна, на стенах потеки, начнут отслаиваться и падать вниз обои. Сколько же это денег нужно потратить на ремонт.

А еще, нас будущих жильцов часто не устраивали и квартиры на первых этажах. Они не нравятся даже пенсионерам. Беспокойство, да и только: шум от спящих у дома людей, их невольные взгляды в окна и это еще ничего, пока какое-нибудь из мест не облюбовали пьяницы, тут и милиция не поможет, — ресторан «Голубой Дунай», да и только, хоть из дома съезжай.

Мне попался десятый этаж третьего подъезда. Хотелось бы иметь квартиру в среднем подъезде и неплохо на несколько этажей ниже, но это все-таки был ни первый и не семнадцатый, мы после житья в коммуналке, своей участью были несказанно довольны. Нашу жилплощадь, в отличие от той в которой мы жили, я бы без каких-либо раздумий отнес в разряд хороших, что после, пройдясь по комнатам еще не скрипучего на тот момент паркета, подтвердила и жена.

Мне памятен момент, когда я услышав свою фамилию, подхватился и торопливо выбравшись поднялся на сцену, после чего вытянул из общей массы, запечатанный безымянный конверт, достал из него вложенный листок, затем озвучил номер квартиры. Председатель собрания, отыскав в коробке нужные ключи, тут же их мне вручил. Не дав сделать мне от стола и двух шагов, он сразу же заставил за них и за свой выбор расписаться в особом журнале, а уж затем я мог отправиться на смотрины жилплощади, искать в квартире недоделки.

Дома с долевым участием граждан возводились намного качественнее, чем те, которые выдавались бесплатно. Наверное, оттого особых претензий у нас к строителям не было. На паркете кое-где мы обнаружили разлитую краску: в нашей квартире во время отделки дома хранились лакокрасочные материалы, а еще в отдельных местах топорщились обои, отходили от стен; на кухне в последний момент Мария заметила выбитое одно из наружных стекол в раме. Мы все это написали на листе бумаги и отдали в правление.

Наша заявка была быстро выполнена. Лет через несколько стекло на кухне снова расколосось. Этот факт оказался неслучайным: у нас была кривая рама. Проблему мы решили много лет спустя после замены обычных деревянных рам современными, металлопластиковыми.

Жильцам, не имеющим претензий к строителям, было намного проще. Многие из них сразу же после подписания акта о приемке квартир, заехали в дом и подали документы на прописку.

Правда, торопились не все, были и такие, которые тянули до последнего, например, наши соседи. Они в новой квартире устроили ремонт, для чего тут же оборвали обои: не пришлось по вкусу и взялись за циклевку, и покрытие полов лаком. У соседей неожиданно возникло желание не только переехать в новую квартиру, но и не потерять метры в коммуналке. Для этого кто-то из них привез из деревни родительницу. Неизвестно, то ли мать и правда была одинокой женщиной, и по состоянию здоровья требовала ухода, то ли по другой какой-то причине, но им удалось ее прописать в Москве. Хитрые были евреи. Они при переселении в отличие от нас не сдали свою комнату государству. Прошло время, и она пригодилась, при разрушении старых пятиэтажек, позволила ее повзрослевшему женатому внуку получить квартиру в новом доме.

1984 год был для «въезжающего в дом народа» особенный: состояние, ну как при праздничном салюте — феерическое, наполненное добрыми эмоциями.

— Ба-бах! Ба-бах! Ба-бах! Слышишь! — спрашивал я у Марии, и она, хитро улыбаясь, тут же не задумываясь мне отвечала: — Да! Да! Да!

На душе у нас было радостно и грустно — мы покидали нашу коммуналку — комнату, приютившую нас на целых два года.

Жена упаковывала вещи, я помогал ей, а еще занимался оформлением документов. Прежде я ходил в свою жилищно-эксплуатационную контору (ЖЭК), получил у них, так

называемый «бегунок», затем отправился в ближайшее транспортное агентство, чтобы договориться о дате вывоза из комнаты вещей, а еще заказал через фирму «Заря» косметический ремонт комнаты, так как делать его своими силами не разрешалось. Это было необходимо для нашей выписки и выезда из коммунальной квартиры. А уж затем мы могли без каких-либо помех заняться пропиской на новой жилплощади.

Что интересно: соседи, постоянно цапавшиеся между собой, заметив наше оживление вдруг приутихли. Наверное, нутром почувствовали грядущие изменения в жизни «коммуналки». Для того чтобы их не томить в догадках, я однажды не удержался и на кухне в присутствии Таисии Яковлевны и Сергея с напускной грустью сообщил:

– Мы получили ордер на квартиру и скоро переедем. Я, так думаю в феврале-марте месяце!

Я помню, как мы часто по вечерам, забежав домой после работы, хватали впопыхах что-нибудь из приготовленного к перевозке: связки книг, стопки посуды, сумки с одеждой и прочее-прочее и, забравшись в троллейбус, везли все это на новое место жительства.

Этого можно было не делать, загрузить все вещи скопом в грузовой автомобиль и отвезти их, если бы любое машина-место, независимо от его веса и размеров не оценивалось одинаково дорого. А так мне пришлось при заказе машины, ограничить перечень и указать на вывоз: диван, плательный шкаф, письменный стол, холодильник и всего лишь. Это нам позволило сэкономить деньги и пустить их на другие нужды.

Наша новая квартира была со всеми удобствами для жизни. Она имела одну большую комнату с лоджией, — мы ее тут же определили под зал, меньшую по размерам — решили использовать для спальни, а еще жена не могла нарадоваться большой кухней с электроплитой и ванной комнатой, не совмещенной с туалетом. Здесь у нас в новой квартире в отличие от коммуналки была не только холодная, но и горячая вода. Мыться можно было уже дома, в ванной, а не в городской бане или же на заводе под душем. Правда, прихожая «немного подкачала», — была несколько маловата, но мы этого тогда не замечали, нас на тот момент все устраивало.

Что было примечательно? В новой квартире нам уже не нужно было таскать на помойку ведрами отходы. Дом имел мусоропровод, достаточно выйти в тапочках на межэтажную площадку и за лифтовыми кабинами: грузовым и пассажирским, открыв фрамугу их выбросить. Это не то, что сейчас: не строят в настоящее время в Москве дома с мусоропроводами. Наверное, так борются с помолодевшим инфарктом или же пытаются снизить цены на жилплощадь. Она не выдается бесплатно. А купить не каждый себе может позволить. Не спасает даже льготная ипотека. Оно и понятно — социализм закончился.

Окна нашей квартиры смотрели на обе стороны. Это в жаркое лето позволяло хорошо ее проветривать. Такой возможностью обладали соседи из трехкомнатной квартиры напротив, а вот еще одна двухкомнатная, а также однокомнатная — такого удовольствия были лишены. Людям из-за неимения кондиционеров приходилось открывать не только окна, но и двери квартир.

Для того чтобы переселиться на новую жилплощадь нам потребовалось немало времени. «Обновить» квартиру мы смогли лишь только в марте месяце, когда однажды, занимаясь какими-то мелкими работами, задержались до ночи. Это обстоятельство вынудило нас, несмотря на отсутствие мебели, остаться. Выручила нас тогда бабушкина перина — подаренная Марии, на нашу свадьбу. Мы расстелили ее у батареи парового отопления и улеглись прямо на полу. Наверное, тогда моя жена неожиданно забеременела, а в ноябре у нас родился долгожданный ребенок.

Этот год был как никакой другой, очень плодовитым на детей. Он несравним ни с какими годами — последующими. Тогда в нашем доме родилось более ста малышей. Это совершенно точно. Никакой ошибки быть не может. Объяснение тому простое: в 1984 году в дом въехало

очень много молодых пар. А уж они в отличие от современной молодежи не были ленивы, постарались.

Моя жена, посещая ближайшую женскую консультацию и поликлинику, познакомилась со многими будущими молодыми мамочками. Некоторые из них впоследствии стали ее хорошими подругами. Список большой. Однако я не намерен их всех перечислять, сообщу о тех, которые стали более близкими. Это косметолог Мария — тезка моей жены, брюнетка с кучерявыми волосами, у нее родился мальчик — Ефим ровесник моей дочери — Маши; Валентина — худощавая воспитательница детского сада — «девушка вся из себя», — Артем, ее сын был очень дружен с моей дочерью до тех пор, пока они не поменяли квартиру. А еще, я хочу упомянуть подругу Маши — Свету — долгожданного ребенка медсестры со второго подъезда — Любы и профессора института пищевой промышленности, у которого это был уже второй брак.

Дочку медсестры родила очень поздно в двадцать восемь лет — долго не получалось забеременеть. Что интересно она тут же попала в разряд старо-родящих «мамочек». Не модно тогда было тянуть с замужеством: девушки рано создавали семью, некоторые даже не дождавшись совершеннолетия. У них были другие желания. Одна знакомая, — когда я еще был холостым, — не раз говорила мне: «Я так хочу, просто мечтаю прогуливаться по алле парка с дочерью, выдавая ее своим знакомым за подругу, ну, а если будет сын, то за галантного кавалера». Такое поведение было довольно распространенным.

Молодые люди в то время выросли очень рано, они до тридцати-сорока лет не тянули: парню достаточно было отслужить в армии, и можно было жениться. Некоторые женились сразу же, едва получив повестку. Они знали без работы не останутся, а еще считали, что не следует заниматься детьми на старости лет? Это очень хлопотно. Не лучше ли — «отстрелялся» и свободен, — гуляй, жди от выросших детей крикливых внуков.

Я, был другим, наверное, из современного поколения, так как женился после тридцати лет. У меня было желание вначале стать поэтом, а уж затем обзаводиться семьей.

Найти девушку своего возраста мне было трудно. Ну, это если взять женщину, разведенную и вдобавок еще с ребенком. Не хотелось. На момент моей женитьбы Марии тогда было всего двадцать два года. Она, окончив культпросветучилище, училась в Кемеровском институте культуры. При переезде в Москву жена перевелась на заочное отделение. Что интересно Мария забеременела лишь при получении нами квартиры. В коммуналке у нас ничего не получалось. Вот и говорят, что человек сам планирует рождение детей, ан, нет! Многое в жизни необъяснимо и происходит по какой-то другой воле, может даже — Бога. Это для тех, кто не поддавался атеистической пропаганде, в него верит и продолжает ему молиться.

На тот момент, меня влекло не только одно литературное творчество, но и еще занимала наука, как мне, нетяжело было расставаться с заводом, я написал заявление об уходе. Это необходимо было для того, чтобы устроиться в научно-исследовательский институт. Мой шаг в будущем упрощал поступление в аспирантуру и давал возможность работать над кандидатской диссертацией. Однако завод я отложил на перспективу и намеривался в дальнейшем тоже использовать — выбрать его в качестве головного предприятия для внедрения своих технологических разработок.

Моим далеко идущим мечтам тогда не всем удалось сбыться. Оно и понятно: я был вынужден выбрать предприятие совершенно другого профиля, а значит отодвинуть срок своей защиты диссертационной работы.

Наша дочь родилась вовремя моей очередной командировки на Уральский металлургический комбинат. Уже после, я узнал, что когда-то, отправившись по вербовке на нем, одно время, работали и мои родители. Им тогда не удалось закрепиться, — нам детям — мне и моему младшему брату не подошел климат. Очень уж были лютыми морозы и свирепыми ветрами: мы месяцами не вылезали из больницы. То, что это было правильным решением родителей, я понял сразу же: для этого мне хватило недели-другой пребывания.

Мой отъезд на Урал был событием запланированным, так как появления ребенка мы ожидали лишь в конце декабря, но никак не в ноябре. У меня была даже мысль, что это все произойдет на день рождения жены. Вот было бы здорово. Но нет. Отчего-то все произошло иначе. Возможно, из-за того, что у Марии был отрицательный резус-фактор. Он, наверняка в будущем повлиял и не народившегося второго нашего ребенка, — жене пришлось сделать аборт.

Я, собравшись в дорогу, жену одну не оставил: незадолго до моего отъезда к нам в Москву приехали родные ей люди. Одним словом, дядька и тетка. Но ни в коем случае не дядя и не тетя. Так обычно обращаются к чужим людям. Мария звала их дядюшка Юра и тетушка Валя. Что интересно? Они были не первыми нашими гостями. Многим близким нам людям, друзьям и просто знакомым, едва мы стали обживать свою новую квартиру, не терпелось побывать «в граде стольном» — было, где остановиться. Это не в «коммуналке». «Москвачка» туда не поехала, отважились немногие: мать Марии, — она нам тогда купила шифоньер, — да ее брат с женой. Спали они на перине, брошенной на пол, ничуть не посягая на наш диван, хотя мы и предлагали. У брата с женой после посещения ими Москвы через девять месяцев родился белобрысый мальчуган.

У меня и мыслей не должно было возникать по поводу того, чтобы как-то тревожиться и беспокоиться за Марию, — присмотреть за ней и в экстренном случае при схватках вызвать машину скорой помощи было кому. Однако, по непонятным причинам я немного нервничал. И не зря. Словно предчувствовал, что ничего у меня с командировкой не получится, лишь только успел сгонять на предприятие, как говорится, подготовить фронт последующих работ — телефонный звонок начальника, а голос у него был еще тот: орал на всю ивановскую, так как многие годы отдал заводу, — поднял на уши всю гостиницу, да и меня изрядно напугал. Я не знал, что и думать. Меня, едва я оказался на ее пороге, подхватили под руку и препроводили в телефонную кабину. Не дав опомниться, начальник тут же лично поздравил меня с дочкой от себя, а затем от лица коллектива нашей лаборатории, и потребовал:

– Завтра, на крайний случай послезавтра ты должен быть в Москве и стоять под окнами роддома. Кричать, махать руками. Это твоя мужская обязанность, на и первойшая. Понятно тебе?

– Ну, я же еще ничего по работе не сделал... — пролепетать я и снова получил по ушам:

– Знать не знаем! Ты должен! Обязан! Я уже распорядился. Завтра придет замена.

Прилетит на помощь твой товарищ.

Вздорить с начальником не следовало, я тут же собрал разложенные по полкам плательного шкафа вещи, затолкал их в сумку и рванул на вокзал. Добравшись вначале на автобусе до Нижнего Тагила, а затем и до Свердловска, — это теперь город Екатеринбург, — я отправился в столицу. Достать билеты тогда было тяжело, несмотря на глубокую осень, однако все прошло удачно.

На следующий день, вечером, я с чемоданчиком-дипломатом стоял на пороге дома. Дядюшка Юра и тетушка Валя, едва увидев меня чуть ли не запрыгали от радости. Они, ну никак не ожидали, что их размеренный спокойный отпуск пойдет насмарку, узнав о схватках у племянницы, а затем и о скорых родах родственники пребывали в панике. Я на некоторое время явился для них — «валерьянкой на сахаре», своего рода успокоительным. Они тут же рвались уехать домой. Мне с трудом удалось их уговорить на день-два остаться.

Дождавшись утра, мы отправились к Марии в больницу. В палаты тогда никого не пускали даже родных, из-за боязни заражения рожениц стафилококком. Он был заклятым врагом всех роддомов. Я слышал, что и сейчас, хотя и не в той мере проблемы остались. Подруга жены медсестра Люба, однажды подхватив эту заразу при родах, изрядно намучилась, что только не делала, чтобы от нее избавиться. Это в последствии сказало и на ее ребенке. Света никак не может родить, хотя очень хочет ребенка.

Роды у Марии проходили на другом краю Москвы — в Измайловской районной больнице. Туда ее увезла машина скорой помощи, — оказалось свободное место.

Я, прилетев с морозного Урала, домой, чувствовал себя комфортно, как сейчас помню, лежал снег, и было градусов на десять теплее. А еще не было такого ветра. Это радовало.

В приемном покое больницы мы передали Марии через нянечку сумку с вещами и, выждав время, получили от нее записочку. В ней жена сообщала нам вес — необычайно малый — 2300 грамм, рост дочери — 46 см, а еще, о том, что нужно ей привезти для выписки из роддома. Не забыла Мария написать карандашиком этаж, где находилась ее палата, а также дала нам координаты к какому окну она подойдет.

Мы, выбравшись из здания и обойдя его по периметру, разыскали нужное окно, а затем, найдя силуэт нашей роженицы с ребенком, долго махали ей рукой, уехали мы лишь только тогда, когда медсестра увела Марию от окна. Было время очередного кормления и мешать этому важному процессу нам не следовало.

При рождении первого ребенка у Марии больших проблем не было, оттого долгого лечения ей не требовалось, и врач без всякого затруднения назвала нам дату выписки, на которую мы должны были ориентироваться.

Однако все пошло не по плану, несколько иначе, чем мы предполагали. Я, ничего не подозревая, спокойно работал, а в этот момент неожиданно позвонили из роддома нашей соседке этажом выше, — только у нее одной из жильцов подъезда был тогда подведен телефон, — и дежурная попросила ее передать информацию в квартиру — назвала наш номер, — после сообщила о том, что необходимые документы на Марию уже подготовлены и нужно в срочном порядке за ней и ребенком приехать.

Дядюшка Юра с тетушкой Валей, шумно всплеснув руками, впопыхах собрались и, выскочив из дома принялись ловить такси. Не знаю как, но им удалось остановить машину, сообщив адрес они рванули в больницу. До меня родственники «достучаться», конечно, не смогли. Поджимало время: Марию и ребенка следовало забрать до обеда. В роддомах страны в восьмидесятые годы из-за пика рождаемости был дефицит мест.

Что интересно? Хотя дядюшка с тетушкой были людьми из провинции, но оказались не промах и «операция» по изъятию ребенка и племянницы из роддома у них прошла довольно эффективно и быстро.

Лишь только стоило Марии появиться на крыльце со старшей медсестрой, несшей укутанную в одеяло девочку, такой своеобразный кулечек, перевязанный красной ленточкой, как дядюшка, не мешкая, тут же схватил ее и, просто поблагодарив, бросился к автомобилю. Тетушка тоже времени зря не теряла, подхватив Марию под руку, быстро увлекла ее следом за своим мужем. Много времени не потребовалось: мгновение и машина рванула с места, оставив медицинскую сестру в крайнем недоумении.

За девочку тогда полагалось дать три рубля, а тут никаких денег, ни цветов, даже торта не было. Правда, и за семимесячного мальчика, недоношенного, но родившегося на свет нашего ребенка — пятерку, мы медработникам не заплатили. Хотя и стоило. Просто, он тогда был вынужден вместе с Марией из роддома отправиться не домой, а в другую больницу на доращивание. Не зря же тетка однажды не удержалась и рассказала нам, что толстая баба в белом халате ей вслед бросила: «У-у-у евреи: на всем экономят».

Я, вернувшись с работы, домой, ничего не подозревая, неожиданно застал Марию одну с дочкой в полной тишине. Ни дядьки, ни тетки, — их будто ветром сдуло, — уехали, не дождавшись даже моего прихода. Не знаю, чем это было вызвано, отчего наши родственники, в одночасье, собрав вещи и быстро попрощавшись с племянницей тут же укатили, оставили нас неумелых одних с ребенком. Возможно, они хотели оказаться в подобной ситуации, находясь у своего родного сына и невестки. Та в скором времени тоже должна была родить. Не знаю. Объяснить трудно, но нас такое их поведение несколько ошарашило.

Мне запомнился один момент: дочка при спокойно лежала на кровати, а мы сидели вокруг нее — с двух сторон, и со страхом смотрели, ожидая реакции. Долго ждать не пришлось: раздался мощный детский крик. Мы тут же были подняты, что те солдаты, по тревоге, начались наши будни, ничем несравнимые со всеми предыдущими днями совместного проживания.

Да-а-а, было время молодое, беззаботное и вот нате получите, — раздвинулся занавес театра жизни доселе нам незнакомой, и мы поняли, что означает такое семья.

Глава 2

У нас не было проблем с определением пола ребенка. Нам о том сообщила акушерка. Это сейчас в некоторых странах Европы, а еще и в США — Америке с этим довольно тяжело, никак не могут прийти к однозначному заключению. Они порой даже путаются, не соображая, кому отдают новорожденного, понятное дело родителям, но матери или же все-таки отцу. Кто из них кто? Не зря же решили на законодательном уровне называть: родитель номер один и родитель номер два. Так никому не будет обидно ни тому, ни другому индивиду. А еще у них подросток имеет право независимо от своих близких сам себе выбрать пол.

Их бы заботы нам. Ну, если быть честным: не дай Бог. Предостаточно — по горло и своих. Тяжело нам было в 1984 году, тяжело: крутились одни, ну что те белки в колесе с долгожданным ребенком. День прошел, другой. А мы не знали, как выкупать дочь. Сейчас и представить такое трудно. Залез преспокойно в Интернет и посмотрел видео с подробностями. Тогда такой информацией мы не владели, тянули до последнего. Хотя у нас все необходимое для этой процедуры было закуплено: ванночка с подставкой, градусник для измерения температуры воды, в избытке детское мыло, крем, и даже трава череда в виде брикетов и резки. Мы попросту боялись. Эта боязнь проявлялась в каждом нашем шаге.

А все из-за того, что перед нами лежал настоящий ребенок, а не какая-то там кукла. Хотя и она у нас имелась, устроившись с соской во рту на тумбочке, безмолвно тарашила большие голубые глаза, — нам ее подарил дружный коллектив городской библиотеки, в котором Мария однажды до замужества работала. Такое подношение являлось актуальным. Кукла для молодоженов была своего рода оберегом семьи. Пусть ее и неудобно было с ворохом вещей везти из далекой Сибири — Кемерово, за тысячи верст, — но мы привезли.

Глядя на эту самую куклу, я понимал, толку от нее никакого хотя она была и хороша. Крути, не крути ее в руках, — в данный момент это изделие помочь нам не могло, ну разве только в будущем могла пригодиться для игр дочери.

Благо мир оказался не без добрых людей: нас выручила одна моя заводская сотрудница — хохлушка Леся. Она однажды приехала в столицу из украинского города Луцка для стажировки, — у них в городе открывался завод того же профиля, двадцать восьмой по счету. Девушка довольно быстро освоилась, вышла замуж, да так и затерялась в Москве.

Я взял ее на работу в свою группу техником-технологом. Она, мне за это была признательна, а еще по доброте своей души просто хотела услужить. Леся была дамой, очень мечтавшей о детях. Таких сейчас мало. Для нее подержать девочку на руках было за счастье. Едва я заикнулся о своей проблеме, Леся, захватив после работы свекровь, — они жили недалеко, — тут же примчалась к нам на дом.

Женщины научили нас неумелых готовить ванночку, а затем под их присмотром мы выкупали ребенка.

Мы угостили их чаем с тортом, а после я, облегченно вздохнув, отправился проводить женщин до автобусной остановки и неожиданно услышал от Леси следующие слова:

— Хорошо тут у вас — много детей! Понятно, дом новый. А я вот живу в старом. Ему, ему... лет двадцать пять — столько, сколько моему мужу Вовчику, — она на миг задумалась и выдохнула: — Дети в нем уже все выросли. Он, этот дом, ну, что по осени набекрень птичье гнездо под ветром, дождем и снегом на голых ветвях дерева. Ты, наверное, ни раз видел такую картину? — Чтобы что-то ответить я кивнул головой. Однако глубоко в душе не согласился. Леся была права. Но и неправа. Я тогда усиленно занимался изучением немецкого языка для сдачи экзамена по кандидатскому минимуму и для себя охарактеризовал все это одним словом: «яин» — ни да, ни нет.

У женщины были проблемы со здоровьем. Она страдала от избыточного веса, постоянно боролась, пытаясь похудеть, но у нее ничего не получалось. Леся, что только не делала, чтобы забеременеть и родить ребенка. Наблюдалась даже в институте гинекологии.

Однажды на работе, вовремя обеденного перерыва мы шли в столовую, разговаривали и я не удержался, посоветовал ей провериться вместе с мужем — Вовчиком. Она отреагировала тут же:

– Он здоров, как бык! Если бы причина была только в нем я бы не задумываясь нашла от кого можно родить, — Леся, бросив взгляд вперед, вдруг повела головой в сторону шедшего нам навстречу парня из соседнего отдела. Тот поздоровался и прошел мимо. Внешне этот человек очень был похож на ее мужа.

Леся любила своего Вовчика и вышла за него замуж не из-за прописки. Однако для исполнения своей мечты женщина была готова на все: занималась оздоровительной гимнастикой, месяцами сидела на всевозможных диетах. Да, она худела, но незначительно — на два-три килограмма, не больше. Что-то в ней такое сидело внутри и не давало стать нормальной, такой, какой она была в далеком детстве, учась еще в школе

Умерла женщина от дисбактериоза. О том я узнал в тяжелые годы развала страны, когда мы все были заняты сами собой — выживанием.

Однажды я позвонил ей по телефону, трубку взял муж. Он плакал. Жизнь у него не удалась.

Что я еще могу сказать об этой женщине? Добрейший человек. Она ни раз бывала у нас дома. Вовремя посещения, узнав, что у нас нет телевизора тут же вместе с мужем притащила нам свой старенький — черно-белый. Он довольно хорошо работал пока мы, насобирав денег не купили себе цветной.

У нас не было в Москве родственников. Наиболее близко от нас за шестьсот километров с гаком в селе Щурово жили мои родители. Но они, можно сказать, были людьми не выездными. Их удерживал огород в двадцать соток, а еще большое подсобное хозяйство: корова, два поросенка, куры, утки. Не бросишь. За всем этим нужно было ухаживать. Одной матери или же одному отцу — не справиться. А еще, после отъезда тетушки Вали и дядюшки Юры нас все отчего-то оставили в покое и учиться ухаживать за ребенком нам приходилось самим. Понятное дело, при общении Мария многое узнавала от подруг, а еще, читая умные книги. Правда, их тогда было очень мало, да и не все порой удавалось достать, даже ей — библиотекарю. Однако мы были молоды, на жизнь свою не жаловались и все делали чтобы превозмочь любые трудности.

Я помню, поначалу много времени уходило на простое пеленание ребенка. Не получалось у нас тогда. Дочь, хотя и родилась восьмимесячной — недоношенной, но сил у нее хватало. Она не раз все наши труды пускала насмарку.

Не знаю, как Маша выпутывалась из двух пеленок — ситцевой — легкой и теплой — фланелевой или байковой и вдобавок еще стеганого ватного одеяла? Однако, если ее недовольство брало верх, то удержать девочку было невозможно — легче перепеленовать по новой. Нескольких минут свободы ей было достаточно чтобы прийти в себя — успокоиться.

В восьмидесятых годах прошлого века в моде было тугое пеленание. Не-то, что сейчас. Я научился первым. У меня довольно ловко получалось. Памперсов еще не было. Не придумали. На подгузники нам пригодилась одна из неиспользуемых ветхих хлопчатобумажных простынь. Не знаю откуда ее притащила Мария? Так вот она очень подошла для наших дел, так как была довольно мягкой, чуть ли не сыпалась. Мы вначале подвергли ее долгому кипячению, затем разорвали на клочки нужного размера.

Перед каждым использованием белья для ребенка мы доставали утюг, — он стоял тут же на полу возле розетки, — и тщательно все проглаживали. Для этой операции я купил спе-

циальную раскладную гладильную доску очень тяжелую: легких тогда не было, и она не один год находилась у нас в разложенном виде.

Занимаясь гладкой детской одежды можно было посмотреть телевизор, принесенный Лесей. Это было для каждого из нас своеобразным отдыхом. Правда, на фильмы времени не хватало, а вот из новостей мы узнавали о достижениях нашей страны СССР и о том, что творилось в мире.

Мария, перед пеленанием, надевала распашонку, затем тщательно припудривала на теле дочери складки тальком, в полголоса припевая: «пойдут клочки по закоулочкам, пойдут клочки...», — после чего накладывала, сложенные треугольником, подгузники. Их требовалось очень много. Подгузники мы готовили впрок, при необходимости тут же руками постигивали и сушили под утюгом. Это укорачивало процесс и позволяло всегда иметь их под рукой.

Для первых ванночек, мы воду брали исключительно холодную, долго ее отстаивали от хлора, затем кипятили на плите в кастрюлях, а еще в чайнике, он хотя и был электрическим, но при закипании воды не отключался, оттого не один сожгли. Я даже приноровился эти приборы ремонтировать: просто менял нагреватели.

Дом у нас был новым, отопление работало плохо, а еще сквозило из всех окон, хотя мы их по осени конопатили и тщательно проклеивали бумагой. Незадолго до сна, мы каждый вечер, минут тридцать прогревали ванную комнату, проливая из крана горячую воду, затем уже готовили для купания дочери ванночку. Я, устанавливал ее на подставке, на глаз заливал в нее отстоянную кипяченую холодную воду и добавлял горячей из кастрюли или же чайника, доводя до нужной температуры. Мария тут же выливали банку с заблаговременно приготовленным отваром череды.

Наше отношение к процедуре купания изменилось не сразу. Лишь после того, когда дочка стала набирать в весе и расти. Она чаще бодрствовала и с интересом смотрела вокруг себя. Мы ей подсовывали всевозможные игрушки с шумовыми эффектами или же подвешивали их у нее над кроватью.

Первые дни дочка спала у нас в прогулочной коляске, затем я вместе с другом, — нет чтобы зайти в ближайший магазин, — съездил в Центральный детский мир и, рассчитывая на большой выбор, купил кроватку там. Для экономии денег мы ее везли, пользуясь городским транспортом. Уж очень она оказалась тяжелой. Это мы поняли, делая переходы в метро с одной ветки на другую. Изрядно намучившись, мы доперли ее до дома, а затем долго собирали.

Кровать была на колесиках, качать в ней ребенка ночью, не вставая с постели, оказалось неудобно. Однако я как-то приноравливался. В случае постанывания дочери готовой вот-вот расплакаться, я высовывал из-под одеяла ногу и, зацепившись пальцами за боковую решетку, начинал воздействовать на кроватку — двигать ее. Дочь успокаивалась. Правда, ненадолго. В час-два ночи — раздавался крик. Жена, засунув руку под одеяльце, определив ребенок мокр, поднималась, я следом, нужно было менять пеленки. Мы свет не включали, — обходились ночным городским освещением, — я аккуратно — глаза у дочери были закрыты, — чтобы не напугать ее брал на руки, а Мария быстро меняла простынки, а затем уже вместе мы ее перепеленовывали. Дочь, почувствовав сухое белье, успокаивалась, слегка покачивая ее на руках, я укладывал в кроватку. Спали мы урывками, но зато крепко. За ночь два-три подъема, а утром мне на работу.

Мария, казалось, могла выспаться днем, но не тут-то было. Дел у нее хватало. Нужно было в квартире проветрить, сделать влажную уборку, затем срочно постирать вручную детским мылом, — порошков тогда для детей не было, — накопившееся постельное белье девочки: распашонки, пеленки и прочее, а еще все это высушить, затем выгладить, не на минуту, не забывая заботиться о находящейся рядом дочери: накормить и перепеленать.

Я думаю, что мне не очень-то поверят молодые женщины и мужчины, растящие детей с памперсами. А зря. Однажды я остался вместе с дочерью, дав возможность жене, и приехавшим

к нам в гости подругам, одной из них была «москвичка» пробежаться по столичным магазинам. За два часа я поменял восемь комплектов белья. Правда, это был перебор. А все из-за того, что кто-то из гостей напоил девочку брусничным морсом. То, что тогда запас белья должен быть большим ни для кого не секрет. У нас количество этих самых комплектов доходило до двадцати штук. Что в них входило: распашонка, подгузники, ползунки, а зимой вместо одной — две пеленки. Я, правда, хитрил и описанные пеленки для быстроты лишь споласкивал, а вот испачканные серьезно, стирал. Тут уж никуда не денешься.

Что можно отметить? Гуляния с дочерью на улице мы по возможности старались не пропускать, ну это лишь в случаях непредвиденных обстоятельств. Нас, например, могли удерживать морозы свыше двадцати пяти градусов, мощные ливни с грозами и штормовые ветра, а так мы всегда в нужное время, раз, а то и два в день, я или же моя жена, что те корабли бороздили пространство ближнего сквера или же парка. Еще бы не бороздить — для прогулок дочери нам досталась коляска, можно сказать, от внука прославленного химика, доктора наук. Я однажды листал его книгу. Этому поспособствовала одна из тетюшек моей супруги — Лиза — муж, которой, как сейчас бы сказали, был министром культуры Кемеровской области. У этой самой тетюшки в Москве проживало много знатных подруг, даже несколько генералов. Однако Мария этим никогда не афишировала. Тогда не это было главное.

Я, возвратившись, после работы домой, слегка перекусив, отправлялся с дочерью на прогулку, давая возможность жене сделать то, что было невозможно при маленьком ребенке на руках. А еще чтобы она могла от него отдохнуть.

Парк, в отличие от сквера, находился несколько вдалеке, и мы им пользовались лишь в выходные дни. Для того чтобы до него добраться нужно было, выйдя из дома повернуть направо в противоположную сторону от шумной улицы, на которой стоял литейно-механический завод, затем выбраться на тихий проспект «Сорок лет Октября» и по нему пройти несколько остановок.

Что интересно? Название, проспекта, данное ему в честь государства под названием СССР осталось, а вот самой страны не стало. Партия большевиков, созданная великим Лениным, возглавившая в трудные годы страну, пережившая грандиозную войну и завоевавшая победу, неожиданно, занявшись самобичеванием, не без воздействия империалистических сил извне сама же себя и погубила, позволив барыгам из-за границы и своим местным растащить имущество, нажитое всем народом. Ваучеры, которые они раздали людям якобы разделив имущество на всех явились просто фикцией, не более.

Дорога до парка шла параллельно большой шумной улице и что важно не имела транспортных маршрутов, отправляясь по ней до парка и обратно мы знали, что наша дочь в пути заснет и неплохо выспится.

Не один месяц мы мучились, выбирая для дочери имя. Нас укоряли родители, близкие, друзья... Мария тогда в помощь притащила из библиотеки несколько толстых книг. Пролистывая их и вычитывая нараспев то одно имя, то другое прямо над головой у дочери, мы, ожидая ее реакции, пытались остановиться, но все было напрасно, как горох об пол. Ни на одно имя наш ребенок не реагировал.

Время поджимало: дочери требовалась прописка. Мы должны были ее зарегистрировать. На нас давили со всех сторон, особенно со стороны жилищно-эксплуатационной конторы. Наша квартплата должна была на рубль-два подняться. Это конечно копейки и никто из нас о такой экономии не думал. Проблема как назвать девочку?

Мне пришлось найти время и отправиться в Загс. Жена, вручив мне выписку из роддома и паспорта, вытаскивая за двери, сказала:

– По дороге что-нибудь придумаешь!

Мне тогда на ум пришел разговор с одним из друзей, столкнувшимся с подобной проблемой. «Не знаешь, как назвать мальчика, назови именем своего отца, а если девочку именем ее матери или же именем жены», — эти его слова мне здорово помогли.

На вопрос жены:

– Ну, как звать-величать нашу красавицу?

Я ответил, не задумываясь:

– Мария, как и тебя. На, держи документ.

– А что так? — спросила жена.

– Все очень просто! Я, же не зря из всех твоих подруг, которые были на свадьбе выбрал тебя. Мне понравилась не только ты сама, но и твое имя. А еще, это очень удобно! Представь себе, я, например, сижу на кухне пью чай и, если крикну: Маша, иди быстрее сюда! Смотри, что я тебе покажу! — Вы тут же прибежите и одна и другая.

Жена хмыкнула и согласилась. А что ей оставалось делать: не побежишь и запись в документах не переделаешь.

Мне памятен тот момент, когда однажды наша Маша сделала свои первые шаги. Это было в один из выходных дней.

Девочка утром хорошо покушала, я взял ее на руки и стал носить по квартире в позе «столбиком» чтобы не срыгнула, а затем отнес в большую комнату и усадил на палас. Нам его купила моя мать на новоселье специально для того, чтобы на нем играли будущие внучата. Он сейчас «валяется» у нас в зале в Щурово.

Я, оставив дочь, отправился на кухню и притащил детский приставной стульчик, разложил его. Маша подползла к нему и, ухватившись ручками, поднялась на ноги. Она уже вставала и даже ходила, правда, держась за чью-нибудь руку и в раскачку: — трусиха была. Оно и понятно — маленькая девочка.

К нам в зал пришла жена. Мы уселись на диван и стали дочь манить к себе. Я уже не рассчитывал, что ребенок отважится, но нет, Маша неожиданно опустила одну руку, затем другую и сделала шаг, другой, третий, затем, чуть не упав, схватилась за подлокотник дивана и, перебирая руками, дошла до нас. Где-то в фотоальбоме у нас сохранилась фотокарточка. Снимок, конечно, был сделан мной несколько позже — ни день в день, — однако во время ее первых шагов в том самом платице и косынке.

Я не знаю, где сейчас находится эта фотокарточка. Небольшой пожар, неожиданно случившийся в нашей квартире перед Новым годом, — мы тогда отсутствовали: были в театре на Таганке и смотрели спектакль с участием актера — главного героя, игравшего в сериале: «Мастер и Маргарита» — все перепутал. Хаос, да и только.

Для проведения в доме ремонта, мы были вынуждены выбросить обгоревшую дорогую мебельную стенку, правда, доставшуюся нам из зала магазина вне очереди: — не нужно было ожидать, когда ее изготовят. А еще нам пришлось отнести на помойку часть оргтехники и других вещей. Мы с жалостью расстались с некоторыми собраниями сочинений знаменитых авторов, вещи, пострадавшие от дыма, но не затронутые огнем — книги, диски, фотоальбомы и прочее имущество, — упаковали в мешки и с оказией на машине отправили в Щурово. Там для выветривания я свалил их на чердаке родительского дома. Теперь мне нужно найти время, забраться на него и покопаться в них, и обязательно отыскать эту фотокарточку. И не только ее одну. В одном из таких мешков хранится двадцатипятилетняя история нашей семьи. До этого, как говорят, просто должны однажды дойти руки.

Глава 3

Мне, не запомнился наш Новый год в новой квартире, жене отчего-то тоже. Я легко могу описать первый праздник, который мы встречали с Марией вместе в Москве под бой курантов Спасской башни на Красной площади с бутылкой Советского шампанского, лучшего в мире. Пустую посуду из-под напитка мы принесли с собой и сохранили до сих пор. Она стоит где-то в шкафу. У нас и сейчас перед глазами та новогодняя ночь: неожиданно, на ждущий не один месяц зиму город, сверкая в лучах прожекторов, повалил хлопьями первый снег. О-о-о какие это были снежинки?

Что, я еще могу сказать: у меня отлично сидит в памяти и следующий за ним праздник. Он прошел в возбуждении от скорого переезда в новую квартиру, в кругу моих друзей — у Марии их тогда попросту не было.

Затем, рождение Маши — дочери. Оно напрочь выветрило из головы все даже многозначительные события, не связанные напрямую с ребенком. Не знаю, праздновали мы встречу следующего нового года, возможно, нет, могли и не праздновать — 1986.

Для нас было важно, что наша дочь пошла, пошла своими ногами. И это произошло в декабре месяце — 1985 года. Мы рассчитывали, что наступит весна и нам станет не нужна громоздкая коляска, а затем пройдет еще какое-то время и мы избавимся от прогулочной: без проблем станем чаще выезжать далеко в город на детские театральные постановки, в цирк, в кино, да куда угодно. А пока мы могли себе позволить лишь посещение сквера и ближайшего к дому старинного парка.

Этот парк имел большое озеро, образованное водами то ли проистекающими из Сучьего болота, то ли впадающими в него и время от времени перекрываемое шлюзами. Он был хорош, особенно летней порой, не зря же когда-то на прилегающей к нему маленькой улочке в бывшем доме актеров жил и творил Федор Михайлович Достоевский.

Добраться до парка от нашего дома было довольно легко. Не только мы с дочкой ходили туда гулять — много молодых семей, хватало и людей пожилого возраста. На пруду действовала лодочная станция, работали всякие там качели-карусели, был тир, а по выходным дням звучала бравурная музыка.

В тени аллей, сходящихся у большого пруда, кого только не встретишь. Особенно было приятно в жаркий день, катая коляску с ребенком, поесть под кронами больших деревьев необычайно вкусного московского мороженого. Мне нравилось Крем-брюле, Эскимо за двадцать восемь копеек и в шоколаде — Ленинградское.

Учеба в Кемеровском институте культуры на заочном отделении требовала от жены работы над учебниками, написания рефератов, выполнения контрольных и других заданий, а еще участия в сессиях — сдачи экзаменов.

До рождения ребенка проблем с учебой у Марии никаких не было, но настало время и ей пришлось на третьем курсе оформить академический отпуск, а затем на сессии летать уже вместе с дочерью и по необходимости оставлять ее на родственников: присмотреть было кому. У ее брата и у его жены по квартире бегала детвора: дочь и сын.

Наступила весна 1986 года, наш ребенок подрос до детсадовского возраста и нам выделили место в одном из учреждений, недалеко от дома.

Декретный отпуск у Марии заканчивался. Ей нужно было выходить на работу. И все бы ничего, если бы не очередная сессия. Получилось так, что эти два события: отправляться в Сибирь на сдачу экзаменов и оформлять дочь в детский сад — совпали.

Я уговорил Марию не беспокоиться о дочери, — оставить ее на меня, — и отнести справку на учебный отпуск по месту работы, затем купить билет и лететь в Кемерово.

Жена немного по сопротивлявшись, в итоге со мной согласилась и вскорости отправилась в Кемерово одна.

Для того чтобы подготовить дочь к детскому саду я взял на работе очередной отпуск. У меня на это было достаточно времени. А еще я мог дней на десять съездить с малышкой на свою малую родину — в Щурово.

Мои родители и мать, и отец на то время находились уже на пенсии. Они, ни дня не работали сверх установленного законом срока. Директор школы фронтовик, как и мой отец, просил их, умолял, предлагая всевозможные льготы, но они не поддались, наверное, понимали — силы уже не те и что оставшиеся годы нужно потратить не для праздного времяпровождения, а на воспитание внуков, неплохо еще их посвятить Богу, разобраться в самих себе и уж, затем можно уйти в вечность.

Их уже нет. Но я думаю, что они были сто раз правы.

Мне не удалось побыть долго в кругу близких людей: не позволила вдруг произошедшая авария на Украинской Чернобыльской атомной электростанции. Я был вынужден уехать, так как АЭС располагалась в восьмидесяти километрах от селения. Взрыв реактора мог плохо сказаться на здоровье моей маленькой дочери, оттого я, для безопасности пробыв дня три безвылазно в доме с метровыми стенами, возвратился в Москву.

Для оформления документов, нужных при зачислении ребенка в детский сад, мы посетили поликлинику, где сдали кровь, мочу и кал на анализы. Через несколько дней я получил хорошие результаты и успокоился. Наша поездка в Щурово никак не сказалась. Дочь чувствовала себя прекрасно.

Погода на тот момент, хотя и был май, стояла по-летнему жаркой. Поднявшись утром и позавтракав, мы отправлялись до обеда гулять в парк.

Из того времени мне запомнился один довольно забавный случай: я, усадив Машу на маленький стульчик, взял в руки сандалии, но не тут-то было: на глаза дочери попались небрежные на хранение теплые фетровые с яркой вышивкой сапожки. Она захотела обуть только их и подняла крик. Я упорствовал, проявлял недюжинные способности красноречия, чтобы ее отговорить, но все было тщетно. Махнув рукой, я обул, эти самые красивые сапожки и мы отправились на улицу. Пусть идет если такая непонятливая. Дети ее увидят и наверняка пристыдят, а еще чего хуже поднимут на смех, мы тогда сходим домой и переобуемся. Так оно и получилось. Хорошо, что в парк мы тогда не пошли, а гуляли на детской площадке недалеко от дома, во дворе и оттого наше переобувание не заняло много времени.

Я обычно гулял с ребенком, не пользуясь прогулочной коляской. Она преспокойно пылилась в углу прихожей. Для меня, если дочь уставала и начинала канючить, не составляло труда взять ее на руки и пронести некоторое время. И носил, а однажды, когда девочка уснула, нес домой от самого парка. Это километр не меньше. На слова, Марии, что я ребенка балую, всегда отвечал: «Ну, не будет же она на мне «ездить» до самой свадьбы?» — «А что, если будет?» — обычно возражала жена. — «Ну, тогда в нужный момент передам ее с рук на руки — мужу. То будут уже его проблемы. Пусть носит! Или же воспитывает под себя».

Гуляя однажды с дочерью в парке, — дней за несколько от нашего похода в детский сад, — я увидел знакомого мальчика, бодро шагающего по алле. Он отчего-то был один.

Я не удержался и подошел к нему:

— О-о-о, Ефим Хазарский! Малыш, ты что потерялся? А где же твоя мама? — Я ожидал увидеть Марию — подругу жены, или же на крайний случай другую их приятельницу Валентину Гулишвили. Между собой мы ее звали Валькой. Женщины тогда дружили, и их часто можно было встретить на прогулках вместе.

— Достаточно и папы, — неожиданно услышал я мягкий голос, появившегося молодого мужчины. Он был плотного телосложения, несколько выше меня, с удлинённым лицом как у арабов, — не путать с англичанами: у них она больше лошадиная, — с черной кучерявой

шевелюрой, доставшейся от прадеда южанина, может от грека, может — цыгана, или же еще от кого-то. Значительно позже я догадался — от отца еврея.

Мы тут же познакомились:

— Михаил! — сказал он и крепко пожал протянутую мной руку. Я, улыбнувшись, не торопясь ответил ему:

— Семен! — затем сделал небольшую паузу и продолжил: — Мария в настоящее время на сессии, сдает в институте экзамены, а я вот ее замещаю. Ты, как я смотрю, тоже занимаешься воспитанием молодого поколения?

— Да-а-а! У меня — похожая ситуация. Только моя Мария на работе, а я нахожусь в очередном отпуске.

Что интересно? После, нашего знакомства мы довольно часто проводили время на свежем воздухе в парке, ведя длительные беседы. Мой знакомый оказался разносторонне-грамотным человеком, я мог говорить с ним на самые различные темы. Был у него и свой «конек», Хазарский любил рассуждать о противоречиях «Востока» и «Запада», — социалистической и капиталистической систем. Их конвергенции — сходимости.

Эта политическая идея была выдвинута экономистами западного мира: Джоном Гэлбрейтом, Уолтом Ростоу, Франсуа Перру и другими еще в сороковых годах, и подхвачена в восьмидесятые двадцатого века нашим физиком-ядерщиком Андреем Сахаровым. Из-за своих распрей с властью он в последствии был отнесен в разряд диссидентов.

Уже это могло бы нас насторожить, ан, нет. Мы, тогда просто не понимали, к чему может привести сближение двух систем. Я думаю, что не только мы, но и многие у нас в стране за исключением. Ну может быть самой «верхушки».

Причины притеснения Андрея Сахарова у нас в стране нам стали ясны лишь много лет спустя, когда вдруг рухнул однополярный мир и США, взяв управление в свои руки, принялись строить глобалистский мир. А кому еще было этим заниматься? Наша социалистическая система рухнула. Нам было не до того: хаос и разруха. Каждый думал о том, как бы дотянуть до следующего дня. Народ просто-напросто выживал.

Я часто спорил с Хазарским, так как считал общественную собственность несовместимой с частной, при этом добавлял:

— Михаил, ты только, пожалуйста, не путай ее с личной собственностью. — Тогда уже на место Леониду Ильичу Брежневу, затем Константину Устиновичу Черненко и Юрию Владимировичу Андропову пришел молодой амбициозный никому неизвестный, — Михаил Сергеевич Горбачев, как у нас говорили в Щурово — человек «из села».

Я ничего против не имел — у меня была мать из села. Щурово на тот момент хотя уже и не числилось посадом, но менталитет у нас жителей всегда оставался городским. А еще мне было известно, что они сельские, попав в город, ну что те евреи лезут и «лезут наверх» и их бывает порой никак не остановить. Не знаю, имел ли какое-либо отношение к евреям этот наш последний Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза, возможно и нет. Был просто-напросто Иваном-дурачком.

Чем политик Михаил Сергеевич Горбачев был необычен? Он имел на голове четко видимое черное пятно — отметину. Я тогда сравнил его с Аистом, правда, ассоциативно, припомнив не так давно прошедший на экранах страны фильм Юрия Ильенко, удостоенный золотой медали: «Белая птица с черной отметиной» и не преминул о том намекнуть Хазарскому. Мой товарищ в ответ лишь только усмехнулся:

— Извивающаяся гадина в гнезде, но не аист. Аист, птица — благородная. Путать. Одно с другим не следует.

— Да, ты, прав! — ответил я в раздумье и потер лоб ни о чем тогда не догадываясь. У меня в моих книгах много всяких мыслей, которые обычно становились понятны лишь по

прошествии времени. То, что я выразился тогда неправильно было мной сделано специально лишь для того, чтобы лучше узнать товарища.

Михаил Сергеевич на тот момент был молод и бодр, очень энергичен в отличие от других партийных работников высшего руководства страны, выступая, говорил с высоких трибун не по бумаге, будто сам Черт из-за спины надиктовывал ему тексты.

Людам манера поведения этого лидера нравилось, для аплодисментов не нужно было допинга, например, рюмки водки или же кружки пива, любил и не боялся Горбачев выходить и в «народ», врезаясь прямо в толпу, не останавли его — мог разглагольствовать часами. Раньше о таких людях говорили: «Пищит, как Троцкий». Однако тогда люди думали иначе: дело говорит — ан, нет. Хазарский будто чувствовал лживость слов этого мессии и при разговоре о нем становился вдруг задумчив.

Мне памятен день: дочери исполнился год и шесть месяцев, и мы отправились в детский сад. Она, хотя встать нам пришлось рано, пошла без скандалов. Причина, возможно, в том, что я очень красочно описал ей, как там будет хорошо, не поленился и сообщил девочке о новых друзьях, которых она приобретет и о играх с ними. Правда, я сам ни разу в жизни в детский сад не ходил даже тогда, когда мои родители работали на Урале, на металлургическом комбинате. За мной и братом вначале ухаживала двоюродная сестра, а затем соседская девочка. В Щурово родители обходились без посторонних, особой необходимости в пригляде за нами не было: лето мы обычно проводили на улице, а лютые морозные зимы порой и на печке.

Группа, в которую пошла Маша, только формировалась. Дочь была девятой, всего должно быть двенадцать человек. Это не то что сейчас по тридцать детишек, а то и более. Возможно, у администрации детских учреждений расчет на то, что при такой ораве — дети сами будут себя забавлять, а для пригляда достаточно одной нянечки и одного воспитателя. Зачем тратиться, деньги любят счет.

Я вначале отвел Машу на половину дня, не стал даже оставлять на обед, правда, на следующий день воспитательница сообщила мне: «Девочка ведет себя хорошо, вы можете ее забрать из сада после сна».

Через три дня дочка пошла на весь день. Проблем не было. Не было до тех пор, пока в группе не появился полненький мальчик — этакий крепыш — двенадцатый по счету. Он отчего-то постоянно задирает дочь — влюбился что ли? Понять поведение этого сорванца было невозможно. Я ни раз забирал ее из сада всю в слезах.

Мне пришлось обратиться к воспитательнице, и я от нее услышал:

– Этот мальчик и меня порой выводит из себя. Ну, что я могу поделать? Только лишь поставить его в угол. Правда, однажды я не удержалась и ладонью хлопнула его разок-другой по толстой попке. Толку никакого. Он еще не понимает. Думаю, ваша дочь должна сама ему ответить.

Мне многих трудов стоило убедить Машу дать отпор этому сорванцу. Ей трудно было переступить через себя, не сразу, но однажды она толкнула своего обидчика так, что тот перелетел через товарища, копавшегося рядом в песке, и упал, раскорячившись на глазах у всех детей на землю. От неожиданности девочка испугалась. Но нет, все обошлось хорошо. Мальчик поднялся, отряхнулся и больше уже ее не трогал. А вот мой внук Тема в подобном случае к привязавшемуся к нему на батуте мальчику отпор дать не сумел. Жалко, а проучить сорванца стоило, может у внука просто не хватило на то времени? Не знаю.

В детский сад и назад — домой, мы с дочкой, часто ходили со стороны двухэтажных деревянных, — с красивыми небольшими балкончиками, — домишек, утопающих в зарослях цветущей по весне вишни. Сейчас там, в любое время года, довольно обыденно, пройдешь и не заметишь: повсюду огромные друг на друга похожие железобетонные здания. Никаких отличий вам не найти, ну лишь в названии улицы, да в номере дома.

Однажды, возвращаясь, мы решили немного времени поиграть, для чего перешли через дорогу на другую сторону и тут же углубились в сквер, затем, пройдя немного по аллее, постояли у обелиска — большой плиты с вырезанной звездой и танком — герою солдату, а после отправились на площадку для игр.

Для меня было неожиданностью встретить Михаила. Он гулял вместе с сыном Ефимом. Я поздоровался и спросил:

— А вы случайно не в наш сад ходите? — И назвал улицу, номер, желал от Михаила услышать: — «Да-да». — Но нет. Он улыбнулся и ответил:

— А мы вообще в сад не ходим. В том нет необходимости. У нас хватает неработающих всяких родственников и ближних и дальних. За мальчиком есть, кому присмотреть. — Он сделал паузу, а затем продолжил: — На днях я сдал в ремонт машину. Вот жду, как только сделают, мы с сыном отправимся к бабе Циле — моей матери. Она живет в своем добротном доме на окраине Курска и давно его уже ждет. А затем, когда мой отпуск закончится меня сменить Мария. Придет ее черед заниматься сыном и отдыхать.

Не знаю, наверное, дней десять, не больше, наши дороги пересекались: они, возвращаясь с парка, заглядывали в сквер, а мы по пути домой из сада. Нам было о чем поговорить. Михаил Хазарский импонировал мне. А еще моя жена дружила с его женой. Я, правда, у них дома не был, и Михаил у нас тоже, а вот моя Мария — она довольно часто бегала в их подъезд, так как рядом жила еще одна ее подруга — Валентина Гулишвили. Их, интересовали всякие там женские дела.

Наступил момент, и Михаила с сыном Ефимом вдруг не стало. Пропал. Я понял, что автомобиль отремонтирован, и в жаркой Москве Хазарским больше делать нечего. Это нам, не имеющим под боком родню, приходилось довольствоваться услугами, предложенными государством, а еще из-за аварии на Чернобыльской АЭС мы и наша дочь на долгое время были лишены летнего отдыха на природе.

Дочь спокойно отнеслась к тому, что однажды наш «кавалер» не появился в сквере. Детей на площадке было хотя и немного, но от скуки не умрешь: через день-другой у нее появился еще один «воздыхатель» — Артем — сын Валентины Гулишвили.

Произошло это случайно: я, встретившись с подругой жены у подъезда нашего дома, не удержавшись, обмолвился о наших прогулках с дочерью после детского сада в сквере, и она тут же изъявила желание приводить в него и своего Артема.

Правда, так продолжалось недолго. Молодая женщина работала в саду нянечкой и, по ее словам, очень уставала. Ей часто было не по себе от длительного общения с детьми и на работе, и дома. Это Валентину нервировало.

Не зря подруга жены, проявив все свои способности, сумела устроить сына в особую группу, в которой ребятня находилась круглосуточно с понедельника по пятницу: Артема отдавали лишь на выходные. Я так думаю, что, если бы можно было, так она определила своего сына и на большее время.

Моей жене — эта самая Валька тоже предлагала помощь в устройстве нашей дочери, минуя препоны с предоставлением справок с работы о занятости — ненормированном рабочем дне.

Мария тогда только что возвратилась из Кемерово после успешной сдачи экзаменов у себя в институте. Однако моя жена тут же воспротивилась:

— Да ты что? Я так не могу. А что, если дочь нас забудет? Что если мы для нее станем чужими? Нет, нет и нет!

Для того чтобы отметить переход супруги на следующий курс и начало нового этапа в жизни дочери — она пошла в детский сад, — мы решили в выходной день выбраться загород и ярко эффектно для себя провести время.

Поднялись мы рано. И у меня, и у Марии спонтанно возникло желание отправиться на какую-нибудь экскурсию и прокатиться с ветерком по Москве-реке.

Обычно, у нас в холодильнике всегда имелось что-то из первых блюд. Это мог быть, например, борщ, щи, рассольник или же какой-нибудь суп, без разницы. А тут оказалось, что все подъедено. Пусто. Ничего.

Мне тут же, пока жена собирала дочку, пришлось торопливо налить в пятилитровую кастрюлю воды, забросить в нее курицу и поставить на плиту. Марии я объяснил:

– Сейчас, закипит и можно будет отправляться хоть на край света. У нас если не суп, то хоть будет какой-никакой бульон. Вдруг нам в городе не удастся покушать. Очереди в кафе сама знаешь, какие — огромные, с ребенком не выстоять. А так дома будет возможность утолить и жажду а, набросав в миски сухариков, голод.

Мы уехали: в течении часа добирались до речного вокзала, отстояв большую очередь купили билеты, забрались в судно на подводных крыльях — «Ракету». Уже в пути, я вдруг вспомнил, что не отключил плиту, и нам пришлось, не выходя на берег вернуться назад. Хотя нами было задумано на конечной пристани, покататься в реке и позагорать, не получилось. Однако, как ни странно, эта наша поездка на запомнилась всю жизнь.

Что, я бы сказал: просто нам тогда повезло. Вместо бульона у нас была жареная курица. Это тоже неплохо. Но главное, не случилось пожара. А может мы его просто на время перенесли и всего лишь. Не знаю.

Мой товарищ Михаил Хазарский недолго отсутствовал, через какое-то время нашелся и заглянул в сквер, разыскав меня, — мы тогда с Машей гуляли вдвоем, в одиночестве без компании Артема и его мамы.

– Знаешь, — сказал он, — у меня не было возможности сообщить тебе о своем отъезде, все получилось как-то внезапно.

Я успокоил его:

– Не было, так не было. Главное ребенка отвез без проблем. Теперь ты можешь за него не беспокоиться!

– Не скажи! Я ведь заглянул в сквер не только для того, чтобы извиниться перед тобой хотя это для меня также важно, — Михаил сделал паузу, а затем продолжил: — Забравшись в машину и отправившись на малую родину к матери, я кажется сделал что-то неправильное: при подъезде к Курску меня на дороге неожиданно задержала небольшая траурная процессия. Я снизил до минимума скорость и поехал за ней, а затем, — будто Черт меня дернул, — не обращая внимания на других автолюбителей, вывернул навстречку — и обогнал ее. Ты, что скажешь, на сей счет? — товарищ остановился. Я тоже следом за ним «тормознул» — прекратил движение. Маша было дернулась, однако вырвать свою ручонку из моей пятерни не смогла и, почувствовав неожиданно боль, заплакала:

– Отпусти! Отпусти!

Я отпустил, и она резко, с недовольством взглянув на меня, вырвала из другой руки ведерко с формочками побежала на детскую площадку.

Мне трудно было сразу экспромтом что-то ответить Хазарскому: требовалось какое-то время сосредоточиться и обдумать приключившееся с ним событие. Я, толкнув товарища плечом вывел его из ступора и пошел следом за дочкой, Михаил за мной. Мы добрались до ближайшей скамейки и уселись недалеко от песочницы, где играла Маша. Я тут же едва мы устроились открыл рот и начал неторопливо говорить:

– Мы русские люди по своей природе отличаемся от людей Запада и США не только менталитетом. Мы в душе — язычники. Наверное, оттого большевикам в семнадцатом году удалось довольно быстро сделать из нас атеистов. Для народа, конечно, не для всего, этот шаг не был уж очень тяжелым. Однако мы не забыли о множестве бытующих у нас суеверий. Они

нам достались из далеких времен идолопоклонничества. Мы их впитали с молоком матери и без них просто никуда, — я взглянул на Михаила, пытаюсь влезть ему в мозг:

– Ты ведь не совсем уж и русский? Так? Я, прав! — и, не дождавшись от него ответа, продолжил: — А значит, можешь забыть об этом событии и не думать. Нет его и все тут!

Однако этого было мало, мой товарищ, выслушав меня, отчего-то не воспрял духом. Он, поерзав на скамейке сказал:

– Ладно, постараюсь забыть! Главное, во всем этом случившемся, чтобы без последствий для ребенка. С меня то, что с гуся вода!

Для того чтобы несколько смыть у него от поездки к матери в Курск неприятный осадок, я рассказал Михаилу о забавном случае из своего детства: соседка баба Паша часто попадалась мне, школьнику не только утром, но и в другое время дня с ведрами, не всегда с водой и я боялся, как бы она вдруг не перешла дорогу пустой, тогда двойки не миновать.

Мы тогда посмеялись, он — неохотно и разошлись.

Прошло время. Я, пересекаясь с Михаилом Хазарским, останавливался, заговаривал, однако отчего-то не видел в его глазах особой радости. Молодого мужчину что-то угнетало. Я, это чувствовал. Меня так и тянуло за язык спросить у товарища в порядке ли он? Но, я молчал, а вдруг мой сосед все еще продолжает мучиться из-за того обгона траурной процессии? Мое невольное внимание могло его всколыхнуть и напомнить о неприятном событии. Не следует влезать, захочет, не преминет, сам обо всем расскажет.

Однако мой товарищ ничего не рассказал, сообщил по прошествии многих лет в своей, переданной мне коленкоровой тетрадке. Я, разбирая его записи, понял, что был близок к истине, правда, произошло это уже не в зажиточном СССР, а в совершенно другой стране, слабой еле барахтающейся на плаву, в Российской Федерации.

В жизни у каждого из нас хватает событий, на первый взгляд обычных ни чем не примечательных, но отчего-то знаковых. Они-то во многом и определяют нашу судьбу, судьбу наших близких и знакомых людей. О том мы начинаем задумываться лишь однажды, занявшись анализом прожитых лет. Ну, например, выйдя на заслуженный отдых — на пенсию. Не зря же, чтобы у нас «простых смертных» не было времени разбираться, возраст выхода на эту самую пенсию неожиданно увеличили: мужчинам необходимо теперь проработать шестьдесят пять лет, а женщинам шестьдесят. Не дает власть заниматься даже своими родными внуками. Не знаю, — чего она боится? Не так их воспитаем? Родившиеся и прожившие много лет в СССР люди, радевшие за мир, труд, братство, равенство и счастье всех народов Земли уже не способны привить «молодым строителям капитализма» нужное для политиков правильное мнение, — что в жизни для человека главное — «бабки» и оттого их всех из процесса воспитания — долой!

Глава 4

Мне знаком анекдот восьмидесятых годов прошлого века. Он наверняка известен — многим из вас. Гласит так, что по национальности все люди на Земле — евреи, но только не все о том знают. И те, которые не знают, живут плохо. К миру все евреи должны относиться настороженно и считать, его для себя открыто враждебным. У тех, у кого в голове другие мысли они постоянно сталкиваются с проблемами, порой не разрешимыми. Их жизнь никогда не будет самодостаточной. Они не способны бороться за место под солнцем: лезть из кожи, а еще приспособливаться.

У моей жены Марии отец был Ефим, дядька Иосиф, у меня, когда я забрался в Интернет и стал искать своих родственников в далеком прошлом, нашел очень много людей с чисто еврейскими именами: Илларион, Исаак, Давид и так далее.

В посаде Щурово жили не только одни старообрядцы различного толка, но и много было среди них евреев. Не зря же у них в центре поселения напротив парка стояла синагога — свой храм. Я его не застал. Он был разрушен, возможно до моего рождения. На его месте сейчас находится дом моего учителя.

Евреи в большей своей массе врачевали, занимались шитьем обуви, клали печи, плотничали, то есть были ремесленниками. Мои деды, дядьки, да и отец тоже занимались ремеслом. Дед Иван Павлович мог подшить сапоги, отлично справиться с печью, даже срубить дом. У него руки, как сейчас говорят росли из нужного места.

Тех евреев, которые из посада во время Великой отечественной войны не убежали, фашисты расстреляли на одном из Цегельников. Мои родственники уцелели и немецкую оккупацию пережили благополучно. Я не знаю пострадавших. Правда, тогда среди них специфических имен, исподволь указывающих на еврейскую национальность, уже не было. Сплошь одни Ивановы.

У нас в заводском общежитии среди основной массы русских, работающих по лимиту, однажды случайно затесался еврей с непонятным именем Беник и, что очень странно, штаны не протирал: устроился на работу кузнецом в горячий цех, трудился неплохо. Парень прибыл в Москву из южных краев страны с местечка под названием Куба. Причин, толкнувших его покинуть родной поселок и отправиться за тысячи километров, я не знаю. Ну, не для того же, чтобы вместе со мной носить в журнал: «Юность» стихи и мечтать о том, что их однажды напечатают?

Моя кровать и его стояли напротив, Беник среди других ребят, — в комнате нас проживало шестеро человек, — в друзья отчего-то выбрал меня. Это ни о чем не говорило. Возможно, я был ему интересен, так как тоже писал стихи, а еще он любил со мной разговаривать. Наши беседы могли длиться часами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.